

Девушка

Владимир Гандельсман

ВВОДКА

Я не тебя
люблю, но этот миг,
когда, трубя,
ты мчишься напрямик

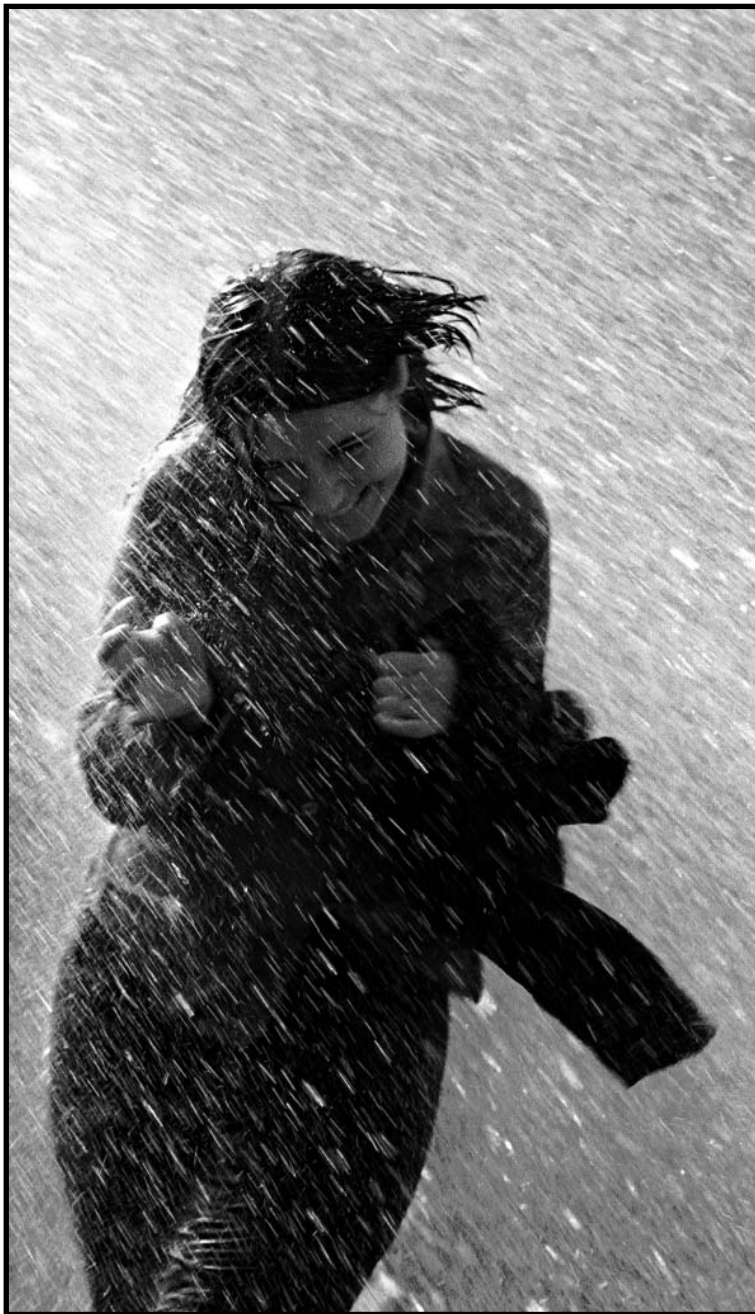
туда, где путь
уснувших мёртвым сном
уткнулся в суть,
не видимую днём.

ПАБЛО

мама с папой на работе пока что
Пабло лез через балкон балконьеро
с тенью дерева качливой как мачта
развевалась точно парус портьера
Пабло мальчик загорелый не промах
худ в штанах да и резвив клинописно
взмок на взмахе и пролился в укромых
Пабло Пабло по-девчоночьи вспискну
нежно-розовые сакуры стлались
за окном и на ковре где томились
и бесщётно как зверьки уголялись
пластовались опалялись дымились

ЖИРАЛЬДО

Чтобы телу не сойти с ума,
наспех скинув на ковёр тряпьё,
вскачь неслись с победным криком «А-а!»,
я — лассо накинув, он — воздев копьё.

© Фото: Д. Зверев

и смерть

ЭБЕРАРДО

Он влѣк меня и пас меня с изгибом,
присущим рыбам,
ожесточаясь в осязанье гиблом,
с подъятым дыбом,
там, на песке, где удочку, улова
не сняв, отринул
и рыба билась в жизнь многоголово,
он уд свой вскинул,
и снова влѣк и пас меня с изгибом,
присущим рыбам,
ожесточаясь в осязанье гиблом,
с подъятым дыбом,
там, на песке, где удочку, улова
не сняв, отринул,
где рыба билась в жизнь многоголово,
где уд свой вскинул
и, как ножом, вспорол меня, огромный...
Ну, хватит, сыты.
О, Эберардо, боров неуѣмный,
да отдохни ты!

ЖЮЛЬ

Жюль, делай, помнишь, я сказала,
со мной, что хочешь.
Ты был с вокзала.
А горлышко со мной промочишь?

В такси я жалась и дрожала,
я из постели
к тебе бежала,
где четверо вокруг пытели.

Но ты, мой Жюль неоперѣнный,
не знал, что люди —
есть многорѣвный
зверинец и родство во блюде.

В ирландском баре, где коньячный
стелился сумрак,
любимый, злачный,
в мерцанье склянок и мензурок, —

как наливался ты желаньем!
А уж в отеле
тот день закланьем
закончился, но мы успели.

ШАН

Чирикнет «инь»
чирикну «ян»
а колокольчик «динь»
в моём ущелье «дон»
медленный Шан

Фэн и Луань
Луань и Фэн
а колокольчик «динь»
смеясь зазывно «дон»
медленный Шан

дон-инь динь-ян
сквозное «есть»
когда в ущелье зван
нефритовый твой пест
медленный Шан

Фэн и Луань
птичьей любви
крик и блаженных стран
щебет «тай-и» «тай-и»
медленный Шан

СОЛОМОН

Опившись, я сказала так: лобзай
лобзаньем уст твоих, влеки меня
в чертог любви, как падаль растерзай,
я вся твоё жнивье, твоя стерня,
о, эта пятерня и пятерня!

Он ими рвал на части и давил
меня, ещё юницу, красным ртом
впиваясь в мой, и пил меня, и пил,
как если б я была сосуд с вином,
о, человек, родившийся скотом!

И верно: кобылицей впряжена
в его телегу, я, прогнув хребет,
стелилась под кнутом его без сна
и отдыха, покуда этот бред
не кончился и не пришёл рассвет.

Тогда я огляделась — Соломон,
мясник в том заскорузлом городке,
где я жила тогда, был погружён

в глубокий сон, я вышла налегке
из скотобойни, с денежкой в руке.

С СОБАЧКОЙ И МУЖЕМ

Ты моя собачечка,
Кевин, гляди,
какая она ласточка,
да погоди,
смотри, какие ушечки
свисают, пушась,
иди на подушечку,
ложись на нас,
ты моя шёрстка хорошая,
вся лохматозаросшая,
ты моя кошечка,
ой-ой-ой,
Кевин, ты окошечко
хоть призакрой,
постой, иди, пёсечка,
иди в уголок,
иди к себе, моя носечка,
мой носорог.

ЛЮБЛЮ

Гостиницы люблю. Мужчин.
Коньяк. Помаду. Чёрный цвет.
Собак. Срывание личин
с отцов семейств. Мохнатый плед.

Ковры гостиниц. Складки штор.
Когда поют. Когда пьяна.
Когда курю. Мужской прибор
на ощупь. Чтобы ночь темна.

Французские духи. Зверей.
Скульптурки черепах и жаб.
Езду в такси. Когда еврей.
Песнь Песней. Шёлк. Когда араб.

Ритмичность. Пудру. Стервецов.
Ревнивый ропот в телефон
на том конце. В конце концов,
люблю конец. А вот и он.

P.S.

1. С подругой

Ах, елозилося, мать, вкривь и вкось.
Муж за двери —
я к любовнику, там — ноги врозь.
Люди — звери.

Рвут друг друга на мясо, пасть в пасть,
чтобы слиться.
Да ведь лучше раскваситься в страсть,
чем озлиться.

Здесь ссыхайся, а там разминай,
как кобыла,
круп и лядвия и отстенай,
что копила.

Бросить мужа? Сама посуди,
что с ним будет?
Там скачи, мать, а здесь посиди, —
не убудет.

У того есть супруга и сын, —
тоже, к счастью,
не разбёгся. Глядишь — керосин
вытек страсти.

Мясо мясом, а смотришь — скелет.
Что с ним случилось?
Так и вышло за тридцать-то лет —
рассосалось.

Ну а главное нас пронесло,
зла семье-то
мы не сделали, — где оно, зло?
Славно это.

Как устроилась, как сопряглась,
приварилась
к жизни подлая жизнь, ты не сглазь,
всё забылось!

Улеглось, утряслось, улеглось,
оклемалось.
Ах, как славно, мать, всё солгалось,
как соткалось!

2. Предсмертная песня

Загребают справа-слева грабли скорые,
ветры воют, как взбесившиеся «скорые»...

А не то бывала ночь — вся предвкушение,
смерть как где-нибудь в танзании крушение:

вся нестрашная, забавная, забытая,
жизнь как блядство, жажды карта недобитая,

и никто не завывает, кроме любчего,
кроме нежно-изомлевшего подыубчего,

да и с мужем хорошо пилося-затягивалось
сигареткой, да в постельке-то потягивалось...

Кто ты есть? Не узнаю, — на узнавание
сил не стало — что ещё за изваяние?..

Говорю во тьму залегшую, кромешную:
Господи, прости блядь-душу грешную!..

Всё! молчу, берёт паскуда на измор, вия
из меня, живой, верёвки. На хер! Морфия!..

■□■